

Видя, что Су Яньи явно старается держаться от него подальше, Цзи Чжаохэн постепенно помрачнел.

Он всегда казался человеком мягким и благородным, словно пекущимся о судьбах всего мира, но на деле натура его была холодна. Никто, кроме Су Яньи, не мог так сильно вывести его из равновесия.

Ему хотелось беречь этого человека, как величайшее сокровище, но тот при виде его лишь стремился скрыться с глаз долой. Это вызывало в душе Цзи Чжаохэна горькую смесь чувств.

На мгновение Цзи Чжаохэн потерял самообладание, в его глазах блеснула алая искра. Он вырвал из рук Су Яньи духовного соболя, швырнул его на землю, а затем крепко схватил Су Яньи за запястье и глухо произнес:

— Ты избегаешь меня?

Су Яньи изначально не собирался с ним разговаривать, и его попытка отстраниться была лишь инстинктивной реакцией. В конце концов, он и так постоянно прятался от этого человека.

Однако внезапная вспышка Цзи Чжаохэна на мгновение сбила его с толку. Придя в себя, он с силой толкнул Цзи Чжаохэна в грудь.

Увы, теперь он был лишь калекой, лишенным сил, и этот удар для Цзи Чжаохэна был подобен попытке муравья пошатнуть дерево — никакого вреда.

Су Яньи пришел в ярость. Этот духовный соболя был единственной его отрадой в заточении, он только начал к нему привязываться, а Цзи Чжаохэн вот так швырнул зверька — выживет ли тот теперь?

Он гневно уставился на Цзи Чжаохэна и язвительно бросил:

— Я думал, это в Царстве Демонов всё живое жаждет лишь убийств, но не ожидал, что Бессмертный почтенный ничем не лучше.

Сказанное было правдой лишь отчасти: низшие демоны, порожденные Царством Демонов, действительно лишены разума и знают лишь жажду крови, поэтому Секта Бессмертных и запечатала проход в Мир людей, презирая демонических тварей. Но сейчас Су Яньи фактически сравнял Цзи Чжаохэна с этими низшими созданиями.

Это были явные насмешки, но Цзи Чжаохэн услышал лишь одно: он для Су Яньи даже хуже, чем этот соболя.

Охваченный ревностью и яростью, он утратил остатки рассудка. Под его ладонью вспыхнула духовная сила, и тонкие, мягкие одежды на теле Су Яньи вмиг превратились в лохмотья.

Одной рукой он обвил талию Су Яньи, другой сжал его подбородок. Лицо, которое так часто заставляло его терять контроль, даже в гневе лишь сильнее разжигало в нем пламя вожделения.

Су Яньи прекрасно понимал, что задумал Цзи Чжаохэн. Он хотел еще что-то едкое бросить в ответ, даже если не мог победить в драке, то хоть на словах должен был взять верх.

Но стоило ему открыть рот, как Цзи Чжаохэн его заткнул. Тот с силой впился в его губы, не отпуская, пока не почувствовал вкус крови.

Сцепившиеся в борьбе, они не заметили, как брошенный на пол соболь, дернувшись пару раз, перевернулся и, пополз в угол, уставился на них глазами-бусинками.

— Ха... безумец!

Наконец получив возможность дышать, Су Яньи сбивчиво произнес. Во рту чувствовался привкус крови. Он уперся руками в грудь Цзи Чжаохэна, открыто выражая свое сопротивление — зная, что не в силах победить, он всё равно продолжал бороться.

Когда его в очередной раз прижали к полу, Су Яньи мысленно проклял всех: и учителя Цзи Чжаохэна, что умел преодолевать пустоту, и давно сгинувших соучеников, и старейшин секты, и учеников, и даже духовных питомцев.

Он не знал, что сейчас, с покрасневшими глазами и полным упрямства взглядом, он лишь сильнее разжигает в другом человеке желание покорить его.

Но Цзи Чжаохэну не нужно было покорение. Он хотел лишь, чтобы в глазах Су Яньи отражался он сам, пусть даже в самом крошечном уголке.

Нависнув над Су Яньи, он снял ленту со своих волос, связал ею руки Су Яньи над головой, а затем вытянул прядь волос Су Яньи, переплел её со своей, перевязал красной нитью и, отрезав, сжал в ладони. В его глазах читалось безумное упорство, но голос звучал мягко:

— Связав волосы, мы стали супругами. Отныне в сердце А-Янь должен быть только я.

Су Яньи ошарашенно смотрел на него, а затем вдруг странно рассмеялся. Смех становился всё громче и громче, пока он не выпалил с торжеством:

— Ха-ха... Цзи Чжаохэн, ты вступил на путь демонов.

Любовь — самое болезненное чувство. Цзи Чжаохэн мог заточить Су Яньи здесь, сделав его своей собственностью, но так и не смог получить его сердце.

Быть отвергнутым любимым человеком — это всегда боль. А если это длится долго, рождается одержимость. Одержимость легко превращается во внутренний демон, и чем меньше удастся добиться своего, тем сильнее запутывается узел в душе. Даже Бессмертный почтенный, постигший великое Дао, не стал исключением — внутренний демон нашел лазейку.

Су Яньи сейчас чувствовал лишь злорадство. Эти так называемые праведники из Секты Бессмертных всегда смотрели на культиваторов демонического пути свысока, а Цзи Чжаохэн был их главой. Интересно, что с ним станет, когда все узнают, что их почтенный стал демоном? Не начнет ли он в припадке безумия истреблять всех подряд? От одной этой мысли становилось весело.

Погруженный в эти мысли, Су Яньи наслаждался триумфом, не подозревая, что его самого ждет впереди.

Цзи Чжаохэн и без того был на грани, а этот выпад окончательно вывел его из себя. Спрятав отрезанную прядь, он с еще более алыми глазами вновь впился в этот дерзко смеющийся рот, целуя его так, словно хотел стереть в порошок.

...

Когда всё стихло, Цзи Чжаохэн очнулся, словно от кошмарного сна. С чувством вины он принят обмывать Су Яньи и наносить лекарство.

Даже когда он принуждал его к близости, он всегда старался быть нежным, никогда прежде не причиняя такой боли.

Теперь он не знал, как смотреть в глаза человеку, которого так измучил.

Ему оставалось лишь бежать — он даже забыл надеть на ноги Су Яньи кандалы.

Внутреннего демона нелегко контролировать, но Цзи Чжаохэн был могущественным Бессмертным почтенным. Если бы он захотел, он не допустил бы такого срыва.

Так что, было ли это влияние демона или же его собственное эго — знал только он сам.

...

Су Яньи очнулся в тишине. Несколько мгновений он смотрел по сторонам, а затем в его глазах мелькнул страх.

Воспоминания перед тем, как он потерял сознание, вернулись, и безумие Цзи Чжаохэна наконец заставило его по-настоящему испугаться.

Су Яньи не боялся смерти, но эти бесконечные унижения были невыносимы.

Оглядевшись и убедившись, что Цзи Чжаохэна нет, он почувствовал облегчение.

Опустив взгляд, он заметил, что железные кандалы на его ногах исчезли.

Сердце Су Яньи радостно забилося. Не обращая внимания на боль во всем теле, он откинул одеяло и босиком ступил на пол.

От слабости в пояснице он едва не упал. Выругавшись про себя, он достал из кольца-хранилища одежду.

Это был халат цвета лунного света, который он когда-то давно бросил внутрь, и вот теперь он пришелся как нельзя кстати.

Одевшись, Су Яньи беспрепятственно прошел сквозь барьер.

Возможно, Цзи Чжаохэн слишком полагался на кандалы, поэтому установил барьер лишь для того, чтобы никто не вошел извне, что сейчас сыграло на руку Су Яньи.

За барьером находились покои Цзи Чжаохэна — здесь было пусто.

Хотя духовную силу использовать он не мог, в его кольце хранилось немало магических артефактов, включая те, что скрывали ауру.

Это кольцо он когда-то отобрал у одного бродячего культиватора, который оказался настолько глуп, что не умел пользоваться такой ценной вещью.

Тот не знал, что кольцо требует капли крови для привязки.

Стоит привязать его к себе, как снять его уже невозможно — только смерть владельца может позволить другому забрать вещь. После привязки пользоваться им было невероятно легко: достаточно лишь мысленного приказа.

Дворец Хэньюнь, где жил Цзи Чжаохэн, стоял на отшибе, и охрана без приказа не смела приближаться. Поэтому путь Су Яньи был свободен.

Но как только он покинул пределы дворца, вокруг стало больше учеников дворца Тайвэй. Даже

скрыв свою ауру, ему приходилось быть крайне осторожным.

Су Яньи набрался терпения и затаился в тени. Спустя полчаса ему удалось выследить одинокого ученика.

Взгляд Су Яньи стал холодным. Он взмахнул рукавом, и в воздухе разлился едва уловимый аромат.

Ученик тут же повалился на землю.

Су Яньи подошел, оттащил его в тень и обыскал. Кроме жетона, у того не нашлось ни одного приличного артефакта. Су Яньи презрительно хмыкнул:

— Нищеврод.

Люди Цзи Чжаохэна были такими же бедняками, как и их господин.

Сняв с ученика одежду, Су Яньи переоделся и только тогда решился идти дальше.

Он не знал расположения дворца Тайвэй, поэтому приходилось пробираться на ощупь.

Судя по одежде, этот ученик не занимал высокого положения.

В дворце Тайвэй таких было полно, поэтому появление Су Яньи не вызвало подозрений.

Он двигался осторожно, стараясь не привлекать внимания. Во-первых, он был Демоническим владыкой, и если попадет в руки этих праведников, то живым ему не уйти. Во-вторых, он боялся снова столкнуться с тем безумцем Цзи Чжаохэном.

От этой мысли взгляд Су Яньи похолодел. Раньше он бы даже не взглянул на такую мелюзгу, а теперь вынужден красться, как вор — просто позор.

К счастью, хотя его сила была заблокирована, ловкость никуда не делась. Пробираясь тайком, он в конце концов добрался до главных ворот и благополучно покинул гору.

Оказавшись вдали от гор Тайвэй, Су Яньи снял ученическую робу.

Опасаясь, что она навлечет беду, он тщательно закопал её в землю и только тогда продолжил путь.

Он понимал, что сейчас ничем не отличается от смертного, и возвращаться в Дворец Демонов нельзя — те подчиненные, что жаждали его смерти, разорвут его на куски.

Скрываться в других сектах тоже было небезопасно. Подумав, Су Яньи решил, что Мир людей — лучшее место.

Говорят, самое опасное место — самое безопасное. Ближайшим к дворцу Тайвэй городом был Синъян, почему бы не спрятаться там?

Вот только для жизни в Мире людей нужны деньги, а у него не было ни гроша. Поистине, попавший в беду Демонический владыка хуже курицы.

Су Яньи жалел лишь о том, что не положил в свое кольцо побольше золота.

Он привык всегда иметь при себе кошель и никогда не думал, что однажды будет ломать голову из-за нехватки денег.

<http://bllate.org/book/18801/1827683>